

А. Д. Закиров

ИСТОРИЯ
медицинского обеспечения
военных городков

Сусломер
и Сурок

в 1941–1946 годы

УДК 94(47).084.8:61(091)*1941/1946*

ББК 63.3(2)622:5(17)

3-18

Ответственный за выпуск: Р.Р.Салахиев

Закиров А.Д.

3-18 **История медицинского обеспечения военных городков Суслонгер и Сурак в 1941–1946 годы. — Казань: Отечество, 2019. — 352 с.**

ISBN 978-5-9222-1291-5

В книге на основе документов Филнала Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации (военно-медицинских документов, г.Санкт-Петербург) впервые представлены деятельность госпиталей и труд медицинских работников по сохранению жизни и восстановлению здоровья военнослужащих учебных подразделений в военных городках Суслонгер и Сурак в годы Великой Отечественной войны, показано что удалось, а что оказалось невозможным сделать для оказания всесторонней медицинской помощи в имевшихся исключительно сложных условиях размещения и снабжения лечебных учреждений и личного состава воинских частей. Даны справки о запасных и учебных частях Красной Армии, формировании воинских частей в Марийской АССР в 1941–1945 гг.

Самостоятельную ценность представляют приведенные в приложениях слески умерших воинов, составленные на основе историй болезней и других медицинских документов.

Книга адресована широкому кругу читателей.

УДК 94(47).084.8:61(091)*1941/1946*

ББК 63.3(2)622:5(17)

*Посвящаю памяти моего деда,
Закирова Мухамматки Мухамматзакировича,
участника Великой Отечественной войны,
прошедшего через учебные лагеря Суслонгера и Суржа*

Слова «суслонгерские лагеря» глубоко отложились в памяти нескольких поколений жителей Среднего Поволжья как одно из самых трагических и несправедливых событий Великой Отечественной войны. Я с детства помню рассказы моей бабушки, как она ездила из Арского района Татарстана за сотню километров в соседнюю Марийскую республику, возила еду страдающему от голода в военном лагере мужу-солдату. Но мы были детьми, тогда нам было не до подробностей событий. Понимание масштабов трагедии пришло только в конце 1990-х годов с началом массовых публикаций воспоминаний прошедших обучение в запасных учебных частях в марийских лесах бывших военнослужащих, всколыхнутых статьями казанского поисковика и журналиста М.В.Черепанова, в которых он ставил вопросы почему в глубоком тылу умирали от голода и болезней тысячи воинов, так необходимых на фронте, почему до сих пор неизвестны их имена и места погребения. Поставленные в эти публикации вопросы много лет не давали мне покоя, и, наконец, представилась возможность изучить документально хотя бы одну сторону тех событий – оказание госпиталями медицинской помощи раненым и больным воинам в военных гарнизонах Суслонгера и Суржа. Для меня было очень важно также установить имена умерших воинов – жертв той трагедии, найти о них максимально возможные сведения. То, что удалось установить по медицинским документам госпиталей, представлено в настоящей книге.

Благодарю за помощь в работе с архивными документами и сборе информации для книги начальника отдела хранения документации Фиднала ЦАМО РФ (военно-медицинских документов, г.Санкт-Петербург) В.Н.Пономаренко и начальника отделения хранения Н.И.Яшкину, за помощь в архивных исследованиях председателя Совета РОМО «Объединение «Отечество» РТ А.Ю.Конюппева (г.Казань) и руководителя поискового отряда «Татнефть-Поиск» М.М.Котенкову (г.Нижнекамск), за товарищескую поддержку в проведении исследования и большую помощь в подготовке книги к изданию специалистов ВИПЦ «Отечество» Р.Р.Салахиева и М.Ю.Салахиеву (г.Казань).

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Тайна Суслонгера: Факты и версии

Наверное, нет в Казани любителя туризма, который хотя бы раз не побывал в «Марийке». Так ласково туристы называют марийские леса в районе рек Юшут и Илеть. Садись на поезд «Йошкар-Ола-Казань», воспетый казанским бардом Бикчантаевым, и через несколько часов ты в туристской Мехке – на станции Суслонгер. Отсюда еще несколько часов по песчаной лесной дороге и ты уже в раю – на берегу лесного озера или самого Юшута.

Что и говорить, места здесь чудные. Если раз побывал, тянет еще и еще. Кто-то приезжает сюда, чтобы сплавиться по речке на байдарке, кто-то – за грибами, а кто-то просто посидеть с друзьями и гитарой у костра. Тем более, если заранее где-нибудь за буторком припрятана срубленная в прошлом сезоне земляничка с печкой и сосновыми иголками. Словом, рай, да и только.

Только все чаще у костра кроме туристских песен стали возникать разговоры-слухи о захоронениях людей в этих лесах. И слухи эти нет-нет, да подтвердит какой-нибудь знаток этих мест, натывавшийся на подозрительные ямы или человеческие останки.

Местные лесники утверждают, что были в этих лесах лагеря. Но не для репрессированных, а для красноармейцев-курсантов – служивших в армии «срочников». По данным ЦАМО РФ в районе ст. Суслонгер дислоцировались в годы войны 31-я и 46-я запасные и 47-я учебная стрелковые дивизии, да плюс к тому формировались здесь гаубично-артиллерийские бригады – 102 и 105-я. Здесь, в лагерях обучались будущие командиры взводов ПТР, были обучены и поставлены «под ружье» десятки тысяч бойцов. Боевые потери в марийских лесах эти формирования не имели: воевать было здесь не с кем, да и бомбардировщики немцев досюда не добирались. Но есть списки солдат, умерших в марийских лесах от болезней. По данным редакции Книги Памяти Татарстана в районе ст. Суслонгер официально числится умершим или «пропавшим без вести» более 50 наших земляков. Призваны солдаты практически из всех районов республики.

Стало быть, разговоры о массовых захоронениях всего лишь слухи? Неожиданно ответ на этот вопрос был подсказан в письмах от родственников служивших под Суслонгером солдат. Редакция получает тысячи писем с просьбой установить место гибели того или иного защитника Отечества. В них рассказ о том, как нелегко было семьям пропавших без вести, как они лишались пособий, подвергались разного рода репрессиям. Но эти письма поражают.

«Мой отец Ибрагимов Ахмадулла Ибрагимович встал в армию из с. Алузяно Кайбицкого р-на в августе 1941 г., мне было тогда 7 лет. – пишет Р. А. Абдрахманова. – Кроме меня еще было четверо детей. Отца направили в Суслонгер. Хорошо помню, как мать уже в зимнюю стужу ездила к отцу 3-4 раза, отвозила картошку и сухари. Потом мы получили известие о том, что отец пропал без вести».

Представьте ситуацию: мать зимой бросает пятерых детей, берет из дома последние продукты и едет, чтобы накормить мужа, который служит в армии! Это зимой 1941 г. Видимо, письма от него из Суслонгера были, несмотря на военную цензуру, прежде всего о голоде. Подтверждается это предположение в свидетельстве, присланном из Азнакаева Х. М. Газизуллиной.

«Отца моего – Газизуллина Фахразин Газизуллиновича Азнакаевский военкомат призвал 2 января 1942 г. В последнем своем письме от 12 апреля 1942 г. он писал, что они провели в Суслонгере мучительные дни. Голодные, оборванные рубили лес в болотах. Письмо он передал через какого-то знакомого, когда отправлялся на фронт».

Н. Н. Хамитов из Балтасинского р-на пишет о том, что его отец, призванный в армию, сообщал из Суслонгера о «невероятных муках, пережитых за несколько месяцев».

Жительница Казани Н. Э. Фоминка вспомнила о письмах из суслонгерского лагеря отца Ковылькова Захара Андреевича. До войны он был секретарем парткома в Шемордane, клеветать на власть ему не было смысла. В феврале 1942 г. он писал о том, что солдаты ходят в той же одежде в которой прибыли в лагерь, некоторые даже в лаптях. Но главное – «народ мрет от голода».

А этим подробностям трудно не поверить: «Муж мой Галимов Назип Ганиевич в армии с августа 1941 г. – рассказывает А. Г. Галимова из Лениногорска. – Два месяца служил в Суслонгере. До сих пор помню, его письма о том, что таскают тяжелые бревна на плечах, едят картофельные очистки, терпят ункоенки. Когда он перед отправкой на фронт прислал домой верхнюю одежду, она вся была завинчена. Просил не бросать детей, говорил, что война скоро закончится, и он обязательно вернется. Я его жду всю жизнь, умоляю уточнить место его гибели. Даже письма его погибли при наводнении».

М. Н. Газизова из Казани рассказала, что в том злополучном лагере был ее брат – Гайнуллин Закиулла Нуруллович, 1926 г. рождения, уроженец с. Нижние Салманы. Направили его туда из Альшеевского РВК, хотя война уже шла третий год. Вскоре получили от него письмо, содержание которого забыть невозможно: «Едим картофельную кожуру из помойки, умираю от голода».

Мачеха сразу собрала картошки, хлеба и поехала в Суслонгер. Там она его не узнала – брат был высохшим как скелет. Правда, сообщил, что в лагерь приезжал с проверкой сам Ворошилов, кого-то приказал расстрелять и положение с питанием улучшилось. И все же позднее семья получила загадочное известие: «Гайнуллин Закиулла Нурулло-

вич пропал без вести в марте 1945 г.» Было ли это в марийском лесу или он все-таки успел попасть на фронт — неизвестно.

Предположение о том, что порядки в лагерях Суслонгера были не уставные, подтверждает и жительница Казани Ф. Х. Зайлиева. Ее брат — Хадимов Мансур — был в одном из Суслонгерских лагерей писарем. В письмах называл эти места «сушкой», потому что солдаты быстро становились изможденными скелетами. Мать ездила к нему 4 раза, возила продукты. По ее словам Мансур отдавал часть привезенного умирающим от голода солдатам. Она присутствовала на страшной казни Молодежной рядовой, не выдержав голода, попытка сбежать домой. Его поймали, вернули в лагерь. Перед строем товарищей заставили рыть яму и застрелили. Брат был уверен, что все эти ужасы — преступления вредителей. Сам Мансур уцелел до отправки на фронт и погиб в Польше.

Версии о вредительстве поддерживает казанец Ю. И. Корнеев, отец которого — Иван Терентьевич — умер в Суслонгере 18 ноября 1942 г. Мать похоронила мужа сама. И тоже со слезами рассказывала, что солдат до смерти доводил голод и непосильный труд: однополчане отца успели ей передать, что их заставляют на плечах таскать тяжелые бремена по 5 километров.

Еще одно свидетельство — В. И. Насекиной из Казани:

— Когда я уже после войны спрашивала дядю Киреева Николая Алексеевича о Суслонгере, он признал, что не может мне сказать всей правды, но впечатление о том месте у него страшное. Не рассказывал он подробностей и в 70-е годы, когда уже стал кандидатом военно-математических наук. Но кое-что сохранилось в памяти детства.

В Суслонгере на курсах учился с сентября 1943 по июль 1944 г. мой отец — старший лейтенант Насекин Иван Ксенофонтович. Мы с мамой ездили туда и даже жили в одной из землянок. Мама поехала, когда узнала из писем от отца, что в лагере цинга. Мы везли продукты. Уже позднее мама рассказала мне, что положение солдат и офицеров в лагере было ужасным, один из товарищей отца — офицер — застрелился. Отец — уроженец Пензенской обл., из семьи раскулаченных. Может быть, именно поэтому он попал в тот лагерь?

О пропавших без вести в годы войны в Суслонгере родственниках пишут Г. М. Разманкулова из Набережных Челнов, Я. А. Камалов из Перми, Н. Хамидуллин и М. Д. Шитова из Казани, десятки жителей нашей республики. У многих на руках похоронки с указанием места «пропажи» — ст. Суслонгер. Они спрашивают: как могли солдаты пропасть без вести в марийских лесах, и где могилы погибших на той загадочно-трагической станции?

Проверили — да, есть братские могилы времен войны на ст. Суслонгер. Но упомянутых выше солдат в списках захороненных нет. Могилы появились позднее, когда на станции стали хоронить умерших от ран в госпиталях. Но это совсем другие люди.

Стало быть, слухи о том, что в лесах, где располагались военные лагеря, захоронения есть — имеют вполне реальное основание. Свидетельства поразительно похожи, как будто жители разных районов и даже из других областей сговорились.

Окончательно опровергают сомнения очевидцы тех событий.

Полковник юстиции Н. В. Патшин передал редакции рассказ своего сослуживца — прокурора Рыбно-Слободского р-на Петра Илларионовича Матросова. Он в самом начале войны был в Суслонгере на курсах командиров взвода ПТР. Доучился до младшего лейтенанта и дошел до фронта. Пришлось испытать издевательства, собирать картофельные очистки. Так что фронт показался 20-летнему лейтенанту избавлением. П. И. Матросов утверждает, что действовали в лагере настоящие вредители и выявил их маршал К. Е. Ворошилов, приехав в лагерь с проверкой. Виновные были отданы под трибунал и расстреляны.

Хакимов Насип Хакимович, родился 18.09.1924 г. призван 18.09.1942 г. Попал в 37-й учебный полк. Помнит, как матерлевшись голода и мучений в Суслонгере, солдаты посылали письма в Москву, надеясь, что «там» услышат их вопль о страданиях. Но ожидания были тщетны... Интенданты держали свиней, бойцы-«шестерки» откармливали их из батальонных столовых, а «учебникам» (курсантам) выдавали попойку.

Доходило до того, что украдкой ночью пробирались к помойным ящикам, чтобы собрать смерзшиеся кости и в казарме выковыривать из них мозги. Случалось, что кого-то поймают за таким «воровством», тогда ему изрядно перепало от сытых старослужащих, на поличении которых было приготовление еды в батальонной столовой. Командирские «шестерки» из рядовых торговали на базаре нашим хлебом, сбивая цены спекулянтам; в ход шло и мясо забитых ротными свиней; торговали полушубками, валенками, предназначенными для обмундирования учебных полков. Многие курсанты не выдерживали, вешались на обмотках.

Насыбуллин Гайфутдин Бадриевич пришел в редакцию сам, со своими документами. «Чтобы поверили». До войны он жил в Новой Половке, что в черте Казани. В армию призвали в июне 1943 г., в 18 лет Приписали к 361 стрелковому полку. В штыком попал вместе с солдатами из госпитала, возвращавшимися после ранения на фронт. Когда пошел слух — отправляют в Суслонгер — кто-то из «стариков» даже заплакал: уфрем, мол, от голода. Молодым, конечно, не верилось, что такое может быть. Тем более с собой родители дали Гайфутдину 6 килограммов сухарей.

Выгрузились действительно на ст. Суслонгер, потом километров 15 по лесу двигались вдоль узкоколейки. В лагере было несколько бараков и землянок. Построили новичков около штаба и мимо них прошла маршем рота хорошо откармливаемых, обученных солдат. Всем, конечно, поверилось, что и они уйдут из лагеря такими же бравыми воюками.

Оказалось, что нет для них места не только в бараках, но и в землянках — жить пришлось до осени в плащ-палатках. Но это было не самым страшным. Вскоре увидели самих, как выносят из землянок и бараков умерших от голода солдат. И не мудрено хлеб, который выкладывали на столы под открытым небом, был похож на замазку, да и его услевал кто-то украсть до прихода хозяев. Суп был совершенно «голый» и давали его в тазах на 6 человек. Так что если у тебя крали ложку — ты был обречен на настоящий голод. С 18-летним юношей так и случилось. Но до походов по помойкам дело нешло. Сладко пареньки то, что он не журил. Весь паек табака меняя у соседей на хлеб. Да еще друг из Казани посылочку получил — тоже табак. Он и выручая лучше всякой валюты.

На работу гоняли постоянно. Но рубить лес рядом с лагерем не разрешали, хотя лагерь стоял в глухом лесу. Бревна таскали за несколько километров.

Однажды выдали винтовки и объявили учения. В лесу Гайфутдин с товарищами наточился на небольшой домик. Зашли туда и ахнули: штабелями свалено около 20 трупов. Кто это — узнать не удалось, вскоре прибежал младший командир и выгнал всех из этого морга. За малейшую провинность или «лишние вопросы» солдат попадал «на губу», где хозяйствовали уголовники из Сибири — издевались как хотели.

25 октября 1943 г. Насыбуллин запомнил на всю жизнь. В этот день политрук вел лекцию особенно долго. Когда время обеда уже прошло, кто-то не выдержал:

— Почему не кормите?

— Терпите, товарищи курсанты, — угрюмо отвечал лектор.

Как потом оказалось, в тот день в лагерь прибыл сам Ворошилов с проверкой. Советская почта объяснила его приезд тем, что какой-то солдатик, сын полковника, вырвался из лагеря и рассказал обо всем отцу. Тот, судя по всему, был лично знаком с легендарным наркомом. Ворошилову не нужно было много разбираться, чтобы установить нарушения и ужасающие условия жизни солдат. Сам Гайфутдин не видел, но перед строем объявили о расстреле каких-то офицеров из командования лагеря во главе с начальником. На завтра на столах стоял хороший хлеб, нормальная еда. Курсантов стали осматривать врачи.

Выяснилось, что у Насыбуллина куриная слепота. Отправили на лечение домой. После выздоровления взяли на службу в частях светомаскировки, здесь и прослужил весь срок. А уже после войны повстречался в своей Новой Поповке с бывшим начальником пекарни сулгонгерского лагеря. Звали его Садыков Файзи, было ему уже лет 40.

— Почему хлеб в лагере был такой плохой? — спросил Гайфутдин.

— Водой разбавляли, чтобы весил по норме, — не моргнув ответил пекарь, и без стеснения похвастал, — муку и продукты мы продавали местным марийцам. Жена моя специально за деньгами приезжала каждую неделю. Правда, поговориться пришлось, когда проверка приехала. Ну да промолчу, уделел, как видишь.

Разговор этот — лишнее свидетельство того, что массовый голод в Суслонгере — не промах вражеских агентов, а результат преступного воровства и беспредела со стороны тех, кто занимал командные посты в этом филиале Всесоюзного ГУЛАГа. Прежде всего это было выгодно тем, кто наживал на чужих смертях состояние. Говорят же: «Кому война, а кому мать родна».

Хотя остается сомнение. Ворошилов с проверкой появился в лагере только в конце октября 1943 г. За два года войны из Суслонгера отправлены на фронт СОТНИ ТЫСЯЧ солдат и офицеров. Неужели НИ ОДИН ИЗ НИХ не смог сообщить о преступлениях в лагере соответствующим органам? Неужели два года все они молчали, прощая (или забыв?) свои мучения и смерть товарищей?

Такого быть не могло. Злоупотребления в Суслонгере продолжались в течение двух лет войны и не были замечены наверху НЕ СЛУЧАЙНО. И в этой неподдающейся человеческому разуму тактике уничтожения собственного народа была, видимо, какая-то логика, известная только избранным. Каковы были ее движущие силы и замыслы — еще предстоит разобраться. Может быть, скажут свое слово знатоки национальной и внутренней политики тех лет? Или ответ кроется в папках засекреченных архивов?

Возможно, отбор в лагерь Суслонгера проводился по национальному или политическому признаку со всеми вытекающими последствиями. В этих лагерях были и красноармейцы, вернувшиеся из окружения или плена.

В любом случае нужно продолжать работу по сбору сведений об умерших в марийских лесах, чтобы наиболее полно восстановить имена жертв той трагедии, найти и благоустроить их могилы. Привести, наконец, к их могилам детей и внуков, разбудить Память. Ведь именно сон Памяти приводит к повторению трагедий истории. И тайна Суслонгера — лишь одна из них.

Свою версию о причине массовой смертности солдат в марийских военных лагерях могли бы рассказать ветераны войны, очевидцы тех событий. Может быть, в чьей-то семье сохранились письма с более подробным описанием службы в Суслонгере? Загадка ждет решения. Можно ли полвека мириться с тем, что тысячи наших соотечественников забытыми и безымянными лежат в лесу, а их родные и близкие до сих пор ждут весточки, мечтают хотя бы посетить могилу. Сколько их еще — таких станций на территории нашей необъятной России, хранящих свои тайны?

М. Черепанов.

Опубликовано в газете «Шоһри Казань», 23.10.1996 (на татарском языке).

Публикуется по книге Черепанов М.В. «Зачем лживым Должна смерть?» — Казань, 2006. — 384 с.